

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ И. С. НИКИТИНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЕПИСКОПА МИХАИЛА (СЕМЕНОВА)

В. В. Боченков

Митрополия Московская и всяя Руси Русской Православной старообрядческой Церкви

Поступила в редакцию 19 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье анализируются особенности прочтения поэзии И. С. Никитина старообрядческим епископом Михаилом (Семеновым). Будучи иеромонахом, он посвятил ему одну из критических статей, нередко цитировал в своей публицистике. В творчестве поэта он увидел два оригинальных концепта, которые развил далее: Голгофская жертва как вершина теодицеи и «усталость воли» как причина неверия.

Ключевые слова: И. С. Никитин, епископ Михаил (Семенов), религиозные мотивы, цитата, Голгофская жертва, «усталость воли».

Abstract: the article analyses the peculiarities in perception of Ivan Nikitin's poetry by the old believer Bishop Mikhail (Semenov). As a hieromonk, he devoted him one of the critical articles, often quoted in publicistic works. In the works of the poet he saw two of the original concepts, which he developed further: Calvary's sacrifice as the pinnacle of theodicy and "the fatigue of the will" as the cause of disbelief.

Keywords: Ivan Nikitin, Bishop Mikhail (Semenov), religious motives, quote, Calvary's sacrifice, "the fatigue of the will".

Ранняя статья «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» иеромонаха Михаила (Семенова) [1], впоследствии — старообрядческого епископа, идеолога голгофского христианства, оказалась единственным его критическим откликом, который целиком был посвящен творчеству русских поэтов. Этот заметный публицист начала XX столетия нередко обращался к никитинской лирике. Одновременно с его работой в том же 1901 г. в Варшаве вышла книга И. М. Камова «Содержание и характер поэзии И. С. Никитина». Его религиозную лирику автор разделил на «стихотворения метафизического свойства» и «субъективного свойства», выражающие «историю его внутренней жизни», провел параллель с А. В. Кольцовым, но в целом больше внимания уделил социальной тематике, поэмам, пейзажную лирику рассмотрел отдельно от религиозной, сделал ряд интересных замечаний о языке. Мы хотели бы определить особенности индивидуальной рецепции творчества И. С. Никитина, повлиявшие в том числе на отбор цитат и аллюзий в публицистике епископа Михаила. Но сначала — несколько биографических деталей.

С 26 августа 1900 г. иеромонах Михаил был назначен преподавателем догматического, нравственного и основного богословия Воронежской духовной семинарии. В 1902 г. его перевели в Петербург, но к этому времени он уже напечатал ряд статей в «Воронежских епархиальных ведомостях». Самая

первая — «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» — была приурочена к сорокалетию смерти поэта. Добавим, что в свое время И. С. Никитин учился в Воронежской семинарии, где иеромонах Михаил читал лекции.

В поэзии И. С. Никитина, считает критик, выражена своеобразная теодицея — совокупность доказательств, обосновывающих, что Вселенная управляется добрым и разумным началом, т.е. Богом. Отец Михаил был, пожалуй, первым, кто выделил и по своему оригинально показал это стремление поэта дать теоретическое обоснование веры. Иногда, как отмечает он, эта теодицея наивна. Но «гораздо глубже становятся доводы Ивана Саввича, когда он строит теоретическое доказательство невозможности неверия на почве, опять близкой к Кантовскому практическому постулату. Иван Саввич с большим вниманием останавливается на факте странной двойственности в природе человека, противоречии между жизненным идеалом и жизненным фактом» [1, 548]. В своей поэзии, отмечает иеромонах Михаил, цитируя стихотворение «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», И. С. Никитин приходит к ясному выводу о том, что «стремление к надмирному, надземному, искание вечного внепространственного и вневременного не могло родиться на земле, оно дано сверху, послано как дар, а следовательно, есть область, где желаемый идеал существует как реальность» [1, 550, курсив автора]. И человек — будущий наследник этого мира.

Цель человеческого существования, по мнению иеромонаха Михаила, выражена в стихотворении «Обличитель чужого разврата...»: «Бесконечное мысли движенье, / Царство разума, правды святой — / Вот прямое твоё назначенье, / Добрый подвиг на почве родной!». Такая цель означает бесконечное совершенствование. Смерть не может прервать этого движения. Во взглядах И. С. Никитина иеромонах Михаил открывает параллели с философскими постулатами Фихте и Канта о вечности человеческого существования. Подобных сближений позже не сделал никто. При этом критик не взялся сравнивать И. С. Никитина и религиозную лирику поэтов-любомудров.

«Он верит потому, что верить сладко, — пишет иеромонах Михаил, — а не верить мучительно. Доказательство веры как будто не сильное. Не нужно, однако, и к такому доказательству веры относиться слишком пренебрежительно, ведь это в сущности Кантовское доказательство веры из требований практического разума, и практический разум, т.е. совесть, сердце, всегда найдут глубокую правду в таком доказательстве» [1, 545—546]. В некоторых стихотворениях, отмечает критик, это теоретическое доказательство примитивно, «напоминает школьные уроки», но заслуживает внимания «хотя бы ради поэтической формы». В качестве примера он указывает стихотворение «Успокоение».

Последняя «инстанция» никитинской теодицеи, ее вершина, по мнению отца Михаила, — «мысль о кресте». Символ этой вершины — распятие, освещенное лампадкой, перед которой молится мать поэта. Рассуждения здесь отходят на второй план, подчеркивает критик, логика отступает, вперед выходит чувство, «красота Голгофского события», с которым связано искупление человечества, победа и торжество над злом. И. С. Никитин «не мог не сознавать чутьем эстетика, что здесь, на Голгофе, решение всех вопросов бытия, что сомнения не должно быть после Голгофы, и достаточно обратиться к этому событию, чтобы уверовать» [1, 551]. Образ Голгофы возникает в стихотворениях, написанных, можно сказать, единым порывом, одно за другим в январе 1854 г., это «Моление о чаше» и «Сладость молитвы». Но, на наш взгляд, отец Михаил приписывает поэту то, что было дорого ему самому. С голгофской темой критик объединяет стихотворения, где о распятии, о голгофской жертве как таковой не сказано прямо, но в них звучит призыв обратиться «к Тому, кто нес крест»: «Молитва дитяти», «С. В. Чистяковой», которое цитируется в статье почти полностью. «В нем весь Никитин», — убежден иеромонах Михаил [1, 554]. Однако особой «теории», какого-то оригинального «голгофского» учения в религиозной лирике поэта не содержится, в ней лишь психологически достоверно и искренно выражено мироощущение верующего человека, который не видит смысла жизни вне обращения к Богу.

В рассуждениях отца Михаила о голгофских образах звучит первый росток его собственной будущей теории голгофского христианства.

«Религиозные мотивы...» начинаются обоснованием тезиса о значимости для веры первых детских впечатлений. Действительно, эта мысль определяет тематику целого ряда никитинских стихотворений. «Детские годы многострадального поэта осветились горячей, беззаветной любовью его матери. У Ивана Саввича осталось одно воспоминание, к которому он постоянно возвращается сознательно или бессознательно. Это — воспоминание о лампаде, горевшей в комнате матери. Свет этой лампадки порой меркнет и слабеет для Ивана Саввича, но совсем он не может погаснуть никогда, даже в те дни, когда кругом его везде и темнота, и тьма, и “даль темна, как ночь темна”»¹ [1, 506]. Горящая лампадка, способная погаснуть, здесь не просто деталь, но своеобразный образ-символ. Первые наглядные уроки веры восприняты были потому, что поэт искренне любил мать. Все, что ощущает, в чем исповедуется лирический герой «Лампадки» (название стихотворения в статье не упомянуто), переносится отцом Михаилом непосредственно на самого поэта. По его мнению, юношеские годы, когда И. С. Никитин еще начинал писать, были временем «детски ясного (но не детского) мирозерцания и светлой веры». Поэт «всюду видел Бога и его откровение» [1, 507]. В подтверждение цитируется стихотворение 1849 г. «Присутствие непостижимой силы...».

Иеромонах Михаил обращает внимание, что некоторые строки в нем — почти буквальный повтор одной из статей В. Г. Белинского. И. С. Никитин видит Бога «и в ужасе степного урагана, / В дыхании прохладном ветерка, / И в шелесте листов перед зарею, / И в красоте пустынного цветка, / И в ручейке, текущем под горою». Статья В. Г. Белинского не названа. Речь идет о его «Литературных мечтаниях» (1834 г.). Иеромонах Михаил сравнивает со стихотворением следующий отрывок оттуда, схожие места выделяет курсивом: «Для этой идеи нет покоя, <...> она воплощается в блестящее солнце, в великолепную планету, <...> она живет и дышит и в бурных приливах и отливах морей, и в свирепом урагане пустынь, и в шелесте листьев, и в журчании ручья...» и т.д. [2, 56]. (Заметим в скобках, что, говоря здесь об «идее», В. Г. Белинский отталкивается от философии Гегеля.) Раннее увлечение поэта его статьями отмечали многие биографы (вслед за М. Ф. Де-Пуле), однако текстологических сравнений не сделал никто.

Но в отличие от В. Г. Белинского, Бог для поэта — «не отвлеченная идея. Это личный живой Бог» [1, 508]. Доказательством могут послужить стихотворения: «С. В. Чистяковой», «В синем небе плывут над

¹ «Даль темна, как ночь темна» — цитата из стихотворения «Я рад молчать о горе старом...»

полями...», «Когда один, в минуты размышленья...». «Не природа — Бог, а Бог в природе, решает поэт, и в этой природе, возвещающей дела Божии, он находит успокоение и ответ на первые сомнения и нарождающиеся вопросы» [1, 508]. Созерцание природы укрепляет веру никитинского героя, который для иеромонаха Михаила всегда отождествляется с самим поэтом. Его личностное «Молюсь» в пейзажной лирике (например, в стихотворении «Вечер»: «Гляжу на небеса и в тишине молюсь») становится «господствующим мотивом» почти всей поэзии. Помимо «Вечера» иеромонах Михаил указывает на стихотворение без названия «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...».

Тема детских воспоминаний в никитинских стихотворениях вновь приводит нас к теодицее. А теодицея — к пейзажной лирике.

Религиозное сомнение, считает отец Михаил, — следствие «усталости воли», не перемены мировоззрения самой по себе. Эта мысль поэта, по его мнению, «очень умная и оригинальная». Ее не подметил впоследствии никто из критиков. И, на наш взгляд, неспроста. «Усталость воли» как причина ослабления духа, упадка веры, станет одной из ведущих тем в проповедях и публицистике отца Михаила. Это, скорее, его собственная идея, которую он хочет видеть у И. С. Никитина. Ей будут посвящены многие страницы в ключевой работе «Христианская гигиена души» (1914), в драме «Уставший царь» (1906) об Иване Грозном. Понимание центрального образа русского царя и его духовной трагедии целиком выстроено у отца Михаила на этой своеобразной концепции «усталости воли».

Но вернемся к статье. «Оскудеет вера в себя, в свою способность работать на ниве Божией, оскудеет и вера в Бога как надмирный, пребывающий идеал и окончательную, всегда подразумеваемую цель стремлений. И это так и должно быть. Ведь эта вера обязывает бороться с миром, принуждает к деятельности, а человек устал и естественно хочет оттолкнуть от себя веру, чтобы избавиться от обязательств, какие влечет за собой вера. Эту психологию доказал Иван Саввич и в собственной жизни, он признает ее как закон» [1, 510]. Она чувствуется в стихотворениях «Молитва дитяти», «Я помню счастливые годы...», «Бывают светлые мгновенья...», «Рассыпались звезды, дрожат и горят...» и др. «Грязь жизни затемнила у Ивана Саввича нравственный идеал, который всегда в силах своим светом разогнать сумерки сомнения; отняла силу идеального стремления, и — уже как результат этого — затемнила (вернее, временами затемняла) его веру» [1, 510—511]. Выход видится отцу Михаилу в том, чтобы «усилием воли стряхнуть свою слабость и бессилие, вернуть отошедший нравственный идеал» [1, 512]. Усталому человеку это трудно. «Это понимает Иван Саввич и потому указывает уставшему и то, где ис-

кать новых сил для такого подъема» [1, 512]. Лучшее средство — молитва. Как доказательство приводятся строки из «Молитвы дитяти» (название в статье вновь не указывается). Если трудно молиться, другой совет: читай Евангелие. Он основан на личном опыте поэта. В качестве подтверждения в статье полностью воспроизведено никитинское стихотворение «Новый Завет». Если нет сил и на это, остается обратиться к светлым воспоминаниям детства. В никитинской религиозной поэзии иеромонах Михаил видит своеобразное практическое наставление к духовной жизни.

То, что критик характеризовал как «противоречие между жизненным идеалом и жизненным фактом», влекущее «усталость воли», близко к определению Л. А. Соколова, писавшего в 1914 г. о «диссонансах жизни» в поэзии И. С. Никитина [3]. Это, на наш взгляд, определение более широкое, нежели «усталость воли», помимо внутренних, психологических аспектов оно включает в себя и социальные, а по существу всю систему общественных отношений с их индивидуальной поэтической оценкой. Ослабление религиозного чувства (но не «усталость воли») отмечали и другие. Например, по мнению одного из авторов «Церковного вестника», моменты религиозных сомнений и кризиса отличают И. С. Никитина от А. С. Хомякова [4, 1341—1342]. Указывая на стихотворение «Перемена», священник И. П. Артинский писал, что сила воли поэта подпитывалась именно силой религиозного чувства, но в различные моменты его жизни эта религиозность то угасала, то вспыхивала вновь [5, 334]. По мнению М. М. Степанова, тоже священника, никитинские сомнения в вере были «плодом неопытного ума» [6, 12].

Отец Михаил создает своеобразный психологический портрет поэта, чей жизненный путь от искренней детской веры прошел через разочарование и «злую действительность», которая сумела «если не затемнить, то оттеснить в сторону добрый идеал, и отравила ум сомнением». Но поэт снова вернулся к вере. Отказ от нее сделал бы бессмысленной жизнь. По мнению критика Михаила, об этом очень хорошо говорит стихотворение «Кладбище». Лирического героя, размышляющего над человеческим черепом, он сравнивает с Гамлетом. Эту параллель также никто впоследствии не отмечал. Герой «Кладбища» задается шекспировским вопросом: быть или не быть, который «для Гамлета... был решением другого: жить или не жить» [1, 544]. Поэт мучается той же дилеммой. Если всё, чем мы живем, здесь с нами и умирает, то жизнь не имеет смысла. «Тогда мы живем ложью». «Иван Саввич, конечно, не хочет принять последнего решения: в нем смертный приговор деятельности человека, он отнимает у него весь свет, все радости его существования» [1, 544—545].

Статья «Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина» не подписана. На авторство иеромона-

ха Михаила указал биограф поэта А. М. Путинцев [7, 21]. Если бы этого упоминания не было, атрибутировать «Религиозные мотивы...» позволили бы цитаты и аллюзии к стихотворениям поэта в других статьях отца Михаила. Так, в одной из них, опубликованной в журнале «Русский паломник» и посвященной теме детства, человеческого предназначения, снова возникает образ-символ горячей лампадки со ссылкой на воронежского поэта [8, 791]. Чтобы подчеркнуть значимость созданной поэтом картины, отец Михаил прибегает к эмфатическим средствам, выделяя необходимые фразы курсивом: «У Ивана Саввича Никитина, например, через всю жизнь проходит одно воспоминание *о лампадке, горевшей в комнате его матери*. Свет этой лампадки порой меркнет и слабеет для Ивана Саввича, но совсем он *не гаснет никогда*, даже в те дни, когда кругом его везде темнота, туман и “даль темна, как ночь темна”. Иван Саввич видел, как его бедная мать только около святой иконы, освещенной тихим светом лампы, находила успокоение и силу для того, чтобы “жить”» [8, 791]. Это — почти дословное повторение того места из «Воронежских епархиальных ведомостей», достаточно сравнить соответствующие отрывки. Разницей станет отсутствие курсива.

Разрабатывая концепцию голгофского христианства, отец Михаил привлекал произведения светской художественной литературы. В статье 1902 г. «Христос на Голгофе и воскресший» он вновь цитирует (не называя стихотворения) тот же отрывок из «Моления о чаше», что и в воронежской статье («О Боже мой! Мне тяжело! / Мой ум, колеблясь, темнеет; / Все человеческое зло / На Мне едином тяготееет» и т.д.) [9, 5—6]. Он необходим здесь, чтобы заострить читательское внимание на психологической стороне страдания как фактора духовного очищения. Стихотворение приводится здесь с неточностями, без соблюдения строфики. Две строки из него («Все человеческое зло / На Мне едином тяготееет») цитируются также в работе «Двенадцать писем о свободе и христианстве» [10, 22], развивающей тему голгофского христианства.

К поэзии И. С. Никитина иеромонах Михаил обратился в статье «Что делать?» из сборника «Новые и старые пути» (1903). Она посвящена подвижнице Любви Петровне Удинцевой-Зыбиной, сумевшей собрать средства и добиться разрешения открыть в собственном доме в Кунгуре детский приют. Все, что было связано с хлопотами, она записывала в особый дневник и издала его. «Приведу слова, которые она поставила в эпиграф отчета — истории своего приюта», — завершает свою статью иеромонах Михаил и цитирует стихотворение «Медленно движется время...»: «Рыхлая почва готова, — / Сейте, покуда весна, / Доброго дела и слова / Не пропадут семена» [11, 153]. Переключка с евангельской притчей о сеятеле здесь очевидна. В отличие от других случаев

обращения к никитинской поэзии, здесь отец Михаил не сам отбирает для цитирования отрывки, он заимствует у Л. П. Удинцевой никитинский эпиграф, выражающий ее этическое кредо [12, 5].

В 1907 г. вышел в свет подготовленный архимандритом Михаилом сборник дидактических статей и зарисовок «Святые минуты». В короткой статье с характерным заголовком «Почему наши дети растут блудными?» (т.е. неверующими) он снова практически дословно повторил свой, уже приведенный выше, отрывок с «Лампадкой» из «Русского паломника» и «Воронежских епархиальных ведомостей» [13, 52]. Под заголовком «Молись, дитя!» им были включены в книгу первые два четверостишия из «Молитвы дитяти» без указания на авторство [13, 82].

В статье «Почему наши дети растут блудными?» своеобразной завязкой темы послужила «Песня Еремушке» Н. А. Некрасова. В статье 1915 г. «Мироносицы», опубликованной в старообрядческом журнале «Слово Церкви», отец Михаил обратился к запомнившемуся четверостишию из «Песни Еремушке» («В нас под кровлею отеческой...» и т.д.), но ошибочно приписал его И. С. Никитину [14, 386]. Видимо, дело не в ритмической близости двух поэтов. Михаил действительно забыл автора. (В 1916 г. у него появляются признаки тяжелой неврастении, знавшие его люди отмечали пропуск целых слов в рукописях статей, которые он посылал в журналы.) Но у того и другого поэта он видел, в том числе в разработке ими социальных тем, глубинные христианские идеалы, хотя Н. А. Некрасов не затрагивал с такой исповедальной глубиной, как И. С. Никитин, тему личных, внутренних переживаний человека, стремящегося обрести опору в вере. Поэтов воспитала одна христианская духовная культура. Отсюда эта поздняя ошибка, путаница, не исправленная редакцией.

В 1909 г. епископ Михаил написал статью «Разумно ли верить?», вошедшую в апологетический цикл «О вере и неверии», который можно назвать его собственной теодицеей. Он исследовал причины современного атеистического мировоззрения. Из аллюзий к произведениям художественной литературы, использованных здесь, можно отметить пьесу Мориса Метерлинка «Слепые», стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел». Чтобы явственней обозначить проблематику, отец Михаил цитирует пространный отрывок из «Успокоения» с целой чередой риторических вопросов: «Кто дал, человек, тебе силу / Разумной свободы / И к истинам вечным / Любовь и влеченье?» и т.д. [15, 101]. Статья была опубликована в старообрядческом журнале «Церковь» (с подписью) и журнале «Красный звон» (без подписи).

Другие темы, как, например, крестьянский быт, семья, социальная несправедливость, бедность, драматизм повседневности отец Михаил оставил в стороне. Он проигнорировал и патриотические стихотворения («Русь», «Юг и север», «На взятие Карса»,

«Война за веру» и др.), которые, по мнению современного исследователя, неотделимы от религиозных [16, 24]. Такие особенности никитинских стихотворений, как повествовательность, ориентация на народную речь, также не явились основанием, чтобы публицист включил их в «банк» цитат. Ведущим принципом была непосредственно религиозная (религиозно-исповедальная) тематика. Как ни странно, публицист не коснулся и прозы поэта, хотя «Дневник семинариста» мог бы заинтересовать человека, прошедшего духовную школу и писавшего на темы духовного образования.

Нам представляется перспективным направлением изучение рецепции творчества И. С. Никитина в духовной среде начала XX века. Рамки данной работы не позволяют подробнее проанализировать статью иеромонаха Михаила из «Воронежских епархиальных ведомостей» в контексте других откликов, принадлежащих не профессиональным литературным критикам, а духовным лицам и авторам церковной периодики. Отметим, что колебания веры, психологизм стихотворений отмечались и после о. Михаила другими авторами, попытки создать психологический портрет поэта — искренне верующего человека — тоже делались [17]. Но именно иеромонах Михаил заявил два оригинальных концепта, которые получают дальнейшее развитие в его публицистике и художественном творчестве: Голгофская жертва — как вершина теодицеи и мерило этических отношений между людьми — и «усталость воли». На особое значение голгофской темы у поэта указал позже Л. А. Соколов. Он отмечал, что «диссонанс жизни» ограничивается «отражением диссонансов души человеческой», но они «становятся диссонансами мировыми, если мы сколь-нибудь будем в состоянии прочувствовать и вместе с Никитиным подняться интуитивным созерцанием на высоту голгофских искупительных страданий Богочеловека...» [3, 9]. Путь от «диссонансов» к «созвучиям» лежит через созерцание природы, когда человек смотрит на нее «очами веры», молитву, обретение цельного мировоззрения, «подчиняющего временное бытие человека надземным целям», осознание величия Родины и единение с нею [3, 12—17].

«Религиозные мотивы» могут не ограничиваться темой духовных переживаний, воспоминаний, библейских и евангельских сюжетов, описанием обрядовых действий (погребение, исповедь, причастие и др.). Так, например, в стихотворении «Утро на берегу озера» религиозной проблематики вроде бы нет. Однако, на наш взгляд, это не просто жанровая зарисовка, за ней видится глубинная проблема — неспособность людей (крестьян, занимающихся ловлей рыбы — апостольским трудом) совершить начатый христианский подвиг. Здесь звучит философская и религиозная тема «слезинки ребенка», развитая у Ф. М. Достоевского, но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михаил (Семенов), иером. Религиозные мотивы поэзии Ив. Саввича Никитина / Михаил (Семенов), иером. // Воронежские епархиальные ведомости. — 1901. — № 11. — Ч. неофиц. — С. 505—514; № 12. — С. 542—555.
2. Белинский В. Г. Литературные мечтания / В. Г. Белинский // Собрание сочинений: В 9 т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 47—127.
3. Соколов Л. А. Диссонансы жизни в поэзии И. С. Никитина / Л. А. Соколов. — Киев, 1914. — 20 с.
4. Л. С-ий [Л. В. Сиземский]. Памяти поэта — питомца духовной школы // Церковный вестник. 1911. — № 43. — Стб. 1341—1343.
5. Артинский И. П. Религиозный элемент в творчестве И. С. Никитина / И. П. Артинский // Вера и разум. — 1911. — Т. 4. — № 21 (ноябрь, кн. 1). Отд. богословско-философское. С. 327—346.
6. Степанов М. М. Религия И. С. Никитина / М. М. Степанов. — Саратов, 1913. — 24 с.
7. Путинцев А. М. Материалы для библиографии об И. С. Никитине и его сочинениях / А. М. Путинцев. — Юрьев, 1906. — 27 с.
8. Михаил (Семенов), иером. Беседы с читателями «Русского паломника». О живой жизни и вечных истинах / Михаил (Семенов), иером. // Русский паломник. 1902. — № 46. — С. 791—792.
9. Михаил (Семенов), иером. Христос на Голгофе и воскресший: (В связи с вопросом о страданиях человечества) / Михаил (Семенов), иером. — СПб., 1902. — 24 с.
10. Михаил (Семенов), еп. Двенадцать писем о свободе и христианстве: Письма о «Христе подлинном» / Михаил (Семенов), еп. — СПб., 1909. — 51 с.
11. Михаил (Семенов), иером. Что делать? // Новые и старые пути. СПб., 1903. — С. 144—153; та же статья под заголовком «Одна из женщин» была включена автором в другой сборник: Церковь, литература и жизнь. СПб., 1905. — С. 235—243.
12. Удинцева-Зыбина Л. П. История школы-приюта в г. Кунгуре Пермской губернии / Л. П. Удинцева-Зыбина. — Ревель, 1901. — 85 с.
13. Михаил (Семенов), архим. Святые минуты: Чтение на каждый день / Михаил (Семенов), архим. — СПб., 1907. — 368 с.
14. Михаил (Семенов), еп. Мирносицы / Михаил (Семенов), еп. // Слово Церкви. — 1916. — № 17. — С. 385—386.
15. Михаил (Семенов), еп. Разумно ли верить? / Михаил (Семенов), еп. // Собрание сочинений. — М.; Ржев, 2012. — Т. 2. — С. 99—106.
16. Черешнева Г. П. Религия Ивана Саввича Никитина / Г. П. Черешнева // Образ жизни. Журнал Воронежской православной духовной семинарии. Воронеж. — 2011. — № 2. — С. 20—24.
17. Имеем в виду работы авторов, включенных в библиографический указатель «Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков» (СПб., 2002. С. 301—302). К ним можно добавить не включенный сюда ряд юбилейных публикаций в воронежской епархиальной

периодике: Леонтьев И. Основные мотивы в поэтическом творчестве Ивана Саввича Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1911. № 8. Ч. неофиц. С. 239—255; Поликарпов Ф. Духовенство и семинария в изображении И. С. Никитина // Там же. № 18. С. 459—470; его же. Религиозные мотивы в сочинениях И. С. Никитина // Там

же. № 42. С. 1071—1079; Козлов И. Иван Саввич Никитин как поэт-мыслитель // Там же. С. 1050—1071; Милованов Василий, свящ. Слово по случаю пятидесятилетия со дня кончины поэта И. С. Никитина // Там же. № 43. С. 1112—1120. В упомянутый выше указатель статья иеромонаха Михаила также не включена.

Митрополия Московская и всея Руси Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ)
Боченков В. В., кандидат филологических наук
E-mail: bo4enkov4@yandex.ru

Metropolitanate of Russian Orthodox Old-Rite Church
Bochenkov V. V., Candidate of Philological Sciences
E-mail: bo4enkov4@yandex.ru